

ное социальное взаимодействие всех элементов его специфической социальной структуры, проявляющееся в ходе реализации общих целей на макро- (общество в целом), мезо- (конкретное учреждение или организация и т.п.) и микроуровнях (отдельные индивиды)» 2].

В итоге социально-управленческий механизм не просто суммирует интересы всех социальных групп и индивидов, а воспроизводит их в структурированной целостности, становясь реальным инструментом принятия управленческих решений на разных уровнях государственного управления. Эти свойства социально-управленческого механизма позволяют вполне адекватно моделировать социальный диалог, целью которого в демократическом обществе является социально приемлемый консенсус.

Социологи здесь могут выступить в роли модераторов, обеспечивающих единство дискуссий и консенсус в принятии выводов и оценок. Думается, что социология в ее метатеоретическом полипарадигмальном статусе способна теоретически и практически обеспечить такой социальный диалог [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Human Development Report 2009.
2. Tsarou, A. The social and management mechanism of the new type of higher education forming / A. Tsarou // *Nauka i studia*. Т. 2. – 2007. - № 2. – S.47-54.
3. Основы социального государства /С.В.Лапина [и др.]; под ред. С.В. Лапиной. - Минск: БГПУ им.М.Танка, 2008.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНЫХ ПОВЕСТОК-21

А.И. Пысюк, М.Г. Соколовская

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Формирование Местных Повесток-21 (МП-21) в качестве необходимого атрибута предполагает повышение уровня общественной самостоятельности местного населения. Естественным образом рост социальной активности напрямую связан с мотивацией ее участников. Очевидно, что деятельность локальных сообществ по реализации целей МП-21 побуждается вполне определенными группами мотивов, детерминирующими соответствующие социальные практики. В этих условиях инициаторам и организаторам МП-21 важно знать, какие мотивы его субъектов и каким образом следует актуализировать и стимулировать. Адекватный ответ на этот вопрос в состоянии дать социологическая наука.

В связи с этим следует первоначально обратиться к некоторым общим научным положениям, без осознания которых непонятной останется социологическая конкретика. Необходимо представить, пока еще в самом общем виде, что же собой представляет совокупность и иерархия мотивов участников социальной деятельности.

Общепризнанным положением является то, что в основе всех видов социальной активности лежат мотивы человека. В науке существуют различные классификации мотивов: по содержанию, степени обобщенности и др. Для данного анализа важным является выделение в социальной деятельности мотивов осознанных и неосознанных. Неосознанные мотивы скрыты от сознания человека, он ничего не может сказать

о причинах своего поведения, но о существовании таких мотивов можно узнать по эмоциональной окраске действий, по отношению к условиям выполнения действия, по конечному результату деятельности.

В системе осознанных мотивов, то есть мотивов, представленных в сознании человека, обычно выделяют два блока субъективных детерминант деятельности. Первый блок включает в себя мотивы по своему происхождению внутреннего порядка, исходящие из самого индивида – его потребности, влечения, интересы, обусловленные тем, что человек относится к числу так называемых открытых систем, испытывающих постоянные нужды в определенных элементах внешней среды.

Другую группу составляют мотивы, обусловленные требованиями социальной среды и присвоенные субъектом деятельности. По своему характеру они являются смыслообразующими и по сравнению с первой группой мотивов занимают более высокое иерархическое место, так как именно они отражают характер основных отношений человека к обществу, другим людям и самому себе. В состав этих мотивов входят ценностные ориентации, принципы и идеалы.

Подобное разделение мотивов во многом условно и продиктовано преимущественно эвристическими соображениями. В реальности конкретно-практическая деятельность определяется совокупностью мотивов, которые выступают не изолированно, а целостной системой, обладающей своей качественной определенностью. Объясняется это тем, что сама социальная деятельность многоаспектна, многогранна, состоит из множества конкретных действий и операций, детерминируемых специфическими мотивами. Наряду с этим, каждому виду деятельности свойственна своя мотивационная доминанта, свой «базовый миф» (Р.Такер), «картина мира» (М.Вебер), «сверхинтеграция» (П.Сорокин), которые интегрируют совокупную деятельность, гармонизируют ее элементы и придают ей определенное смысловое звучание.

Кроме этого, личность сама способна создавать новые системы мотивов (ценностных ориентаций) и ради достижения социально значимых целей выходить за пределы, диктуемые нуждой, внешней целесообразностью и ситуационными обстоятельствами. Подобная социальная эмпатия трансформирует систему мотивов, придавая ей целостность и качественную определенность. Известный советский психолог С.Рубинштейн утверждал, что включение действия в новый, более обширный контекст придает ему новый смысл и большую внутреннюю содержательность, а мотивации – большую насыщенность, что делает возможным известную гармонизацию, примирение в мотивационной системе, с одной стороны, мотивов, связанных с социальной необходимостью (социальные требования, нравственные императивы, чувство долга и др.), а с другой – мотивационных образований, в основе которых находятся личные потребности, идущие непосредственно от самого индивида. По этой причине оказывается невозможным объяснить мотивацию социальных акторов, осуществляющих социальную деятельность исключительно утилитарно-прагматическими соображениями. Социальный (надситуативный, ценностный) мотив в состоянии превратиться в основной мотивационный демиург, а деятельность как таковая может стать объектом специфической потребности – потребности в социальной активности, направленной на реализацию сущностных сил и возможностей человека, на преобразование общества.

Исходя из доминирующего способа отношения к себе, другому человеку, государству и социуму в целом, в ценностно-мотивационной структуре гражданина можно

выделить несколько базовых стратегий. Первая из них – личностно-эгоистическая, ориентированная на преимущественное стремление к собственному благу, удобству, выгоде, престижу. Человек, действующий в рамках этой стратегии, стремится в своей социальной деятельности к получению определенных выгод, будь то материальные предметы или же престиж, статус и т.п. В пространстве социальных отношений он не ощущает себя их субъектом, отдавая приоритет консюмеризму, меркантилизму и гедонизму. Подобный человек, разумеется, не может стать инициатором или же активным агентом МП-21. Однако потенциально он может стать ее участником в том случае, если в ее фокусе окажутся проблемы, касающиеся непосредственно его жизнедеятельности. Например, речь может идти о приведении в экологический порядок территории, на которой расположена его деревня, что соответствует его личным интересам.

Вторая стратегия – группоцентрическая. В соответствии с ней человек идентифицирует себя с определенным социумом, присваивает нужды его членов, а отношения к другим людям зависят от того, входят ли они в эту группу или нет. Он уже выходит за пределы собственного «Я», однако останавливается на полпути, с одной стороны, идентифицируя себя только с *частью* социума, а с другой – принимая на себя ответственность только за ту часть нужд людей, которая соответствует его личным интересам. Индивид, следующий подобной стратегии, уже готов к социальной самодетельности, но только в рамках защиты интересов и ценностей отдельных социальных групп. Он вряд ли, как и в первом случае, станет инициатором МП-21, но может быть в нее включен как важный социальный актер, заинтересованный в решении ряда проблем, значимых для той социальной группы, которая для него обладает особой ценностью. Например, деятельность по повышению качества питьевой воды в определенной местности может стать для него привлекательной, поскольку затрагивает непосредственные нужды жителей не только данной деревни, но и его семьи.

Третья жизненная стратегия – гуманистическая. В рамках данной ориентации за каждым человеком признается высшая ценность и уважение к его правам и свободам. Гражданин, действующий на основе данной стратегии, осознает себя в качестве «служителя» окружающих его людей, а также социального субъекта, стремящегося в своей деятельности принимать во внимание определенные мировоззренческие императивы – мотивы служения, долга, социальной ответственности и др. Именно люди подобной ориентации составляют, как правило, ядро инициативной группы МП-21, поскольку руководствуются не только утилитарными, но и высшими мотивами, способны придать им прикладное значение, а также проявить волевые усилия.

Четвертая стратегия – духовная или эсхатологическая. На этом уровне гражданин устанавливает личные связи с Богом, благодаря чему другой человек приобретает не только гуманистическую, но и божественную ценность. Основу же мотивационной системы самого социального субъекта составляют мотивы ответственности перед Богом. Поэтому его решения часто противоречат житейскому успеху, соображениям меркантилизма, общественному мнению и могут быть связаны даже со страданием и жертвованием.

На первый взгляд, представляется, что индивид, следующий подобной стратегии, ориентирован на покорение духовных высот, в известной мере пренебрегая мирскими вопросами и общественными обстоятельствами, включая и проблематику МП-21. В действительности это далеко не так. Основные конфессиональные группы обладают своими социальными доктринами, которые в целом равнодушны к ряду социальных вопросов в их религиозной (конфессиональной) интерпретации. Подобным примером

может являться, например, популярная в Германии доктрина «Сохранения Творения», нацеленная на охрану, защиту данного Богом природного и экологического порядка, к которой в современной Беларуси проявили интерес ряд православных и протестантских общин.

Для первого и второго уровней мировоззренческих стратегий характерны подвижность, динамичность, неустойчивость, ситуативность смысловых содержаний, поскольку они в решающей степени зависимы от прагматического компонента. Индивид при этом обычно не имеет четких ценностных ориентаций, мировоззренческих позиций; они у него диффузны и варьируются в зависимости от конъюнктурных соображений. Действительно, удовлетворение в рамках МП-21 конкретной потребности человека, малой социальной группы с большой долей вероятности может привести к прекращению с ней конструктивного сотрудничества.

Для третьего и четвертого уровней характерна высокая степень личностной присвоенности человеком ценностных социальных смыслов, ориентированных на определенные идеальные модели. Он чувствует высокую степень ответственности за общее благо, готов для его осуществления приложить максимум усилий. Очевидно, что обычно инициатива по формированию МП-21 исходит от представителей именно этих двух стратегий, которые выходят за пределы непосредственного плана потребностей и действуют, что называется, исходя из «идейных соображений», что предопределяет ее устойчивость и неконъюнктурность.

Использование социологического инструментария для вовлечения местного населения и использование принципа партнерства предполагает, таким образом, несколько его способов. Уже на начальном этапе осуществления МП-21 важно определить побудительные мотивы и жизненные стратегии ее инициаторов, что можно сделать с помощью формализованного интервью. В этом случае мы сможем сделать заключение (и прогноз) о ее устойчивости и перспективах развертывания в определенной местности.

Очевидно, что МП-21 только тогда имеет социальный смысл, когда связана с привлечением к ее формированию и реализации широких слоев местного населения. В этом случае социологический инструментарий может помочь, с одной стороны, тем, что позволяет достаточно четко узнать содержание непосредственных потребностей и ценностей живущего на определенной территории населения. С другой стороны, с его помощью можно оценить потенциал их социальной активности и возможные способы ее канализирования. С третьей – организовать последующий социологический мониторинг, способный определить, каким образом изменяются установки субъектов МП-21.

Инициаторы МП-21, как правило, предпочитают использовать, из всей совокупности социологических инструментов, социологический опрос. Однако инициативная группа может использовать и другие, менее известные, но не менее эффективные методы. Для изучения, например, экологической обстановки в регионе можно задействовать метод анализа документов. Для исследования остроты социально-экономической ситуации в регионе целесообразно использование метода контент-анализа содержания местных газет. Сам поиск содержания и формата МП-21 предполагает использование такого эффективного социологического инструментария, как метод фокус-группы. Потенциально можно использовать и другие, более сложные методы, например, метод включенного наблюдения или же социального эксперимента, правда, только в том случае, если будет существовать серьезная экспертная поддержка МП-21.

Очевидно, таким образом, что социологические инструменты являются важным фактором формирования и осуществления МП-21. Однако, обладая научным содер-

жанием, они требуют соответствующего экспертного сопровождения. В зависимости от его качества, решающим образом будет определяться эффективность использования социологических методов для реализации целей МП-21.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л.Е. Медиченко

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Типологический анализ национальной культуры требует очень внимательного отношения к гносеологическим корням изучаемого явления, всех значимых факторов, которые влияют на нее и становятся причиной именно этого явления в бесконечном движении истории. С реальностью существования национальной культуры всегда тесным образом связано развитие ее национальной литературы. Литература является тем предметом, который помогает читателю пройти труднейший путь своего народа, пережить борьбу добра со злом, истины с ложью, увидеть, как сохранялись идеалы, понятия, представления. В литературе отражаются национальные традиции, выражающие и поддерживающие ценностный строй данной культуры. По литературным интерпретациям можно судить и о характере самой эпохи. Фактически каждое художественное произведение – это определенная философия, способ мышления и взгляд на природу вещей, осмысление проблем и поиск истины, иногда даже концепция жизни. Основным вопросом, главным объектом исканий мастеров слова всегда был и остается путь к правде, смыслу жизни, к свободе, миру и счастью. Смысл философских исканий в литературе – помочь читателю найти значимое для себя, обнаружить в ней личностный смысл, что определяет переход из знаний в убеждение. Таким образом, выявление характера философских исканий в национальной литературе существенно проясняет и ее содержание, и устои национального мировоззрения, сущность и типологические особенности самой национальной культуры.

Белорусская литература выступает как «квинтэссенция всей национальной культуры, как фактор, свидетельствующий о сформированности культуры, ее бесспорного профессионального существования, как осознание своего отличительного «я» в поликультурном мире» [4, с.5]. Задача данной статьи — выявить некоторые источники и направления философских исканий в белорусской национальной литературе в ее связи с ценностями национальной культуры. Показать изменения (трансформацию) философских исканий в белорусской национальной литературе, связанных, прежде всего, с поисками и выражением национальной идеи.

Разработанность темы. На наш взгляд, основополагающими работами по данной теме являются монографии Гаранина Л.Я., Богданович И.Э., публикации В. Конона, Нарынкевича Н.В., Беляцкого А. и др. Так, Гаранин Л.Я. отмечает, что для белорусской литературы характерно стремление к философскому осмыслению жизни, постижению законов исторического развития, человеческого существования, связь с передовой европейской общественно-политической и философской мыслью. Причем, философские мысли, нравственные, религиозные и социальные идеи героев и самих